

Киргизская диаспора в регионах России: транснационализм и проблемы мигрантов*

Андрей Авдашкин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Kyrgyz Diaspora in the Regions of Russia: Transnationalism and Migrants' Problems**

Andrey Avdashkin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the current formation of the Kyrgyz diaspora. Scholarly literature persists in attempting to interpret Kyrgyz communities outside their homeland as diaspora, which makes the issue relevant. Methodologically, the study draws on a transnational approach, which makes it possible to understand the relationships and connections between the place of residence and the local homeland, with reference to Kyrgyz nationals, and to compare the diaspora itself and transnational communities or, as T. Faist puts it, “two awkward partners in the dance”. The author refers to data from the Kyrgyz Diaspora Mapping Project, carried out under the auspices of the International Organisation for Migration in 2021, as well as in-depth unstructured interviews collected during the author’s fieldwork in Chelyabinsk (47 interviewees), Yekaterinburg (19 interviewees), and Krasnoyarsk (14 interviewees). On average, the interviews lasted for half an hour, and the gender ratio in the group of informants was 31 women and 49 men. The author considers the following parameters of belonging to the diaspora: diaspora and transnationalism, participation in the activities of Kyrgyz public organisations, settlement of Kyrgyz migrants, their orientation to their historical homeland, and specificity of identity. This review tells us more about the absence or incompleteness of the Kyrgyz diaspora in Russia. It is noted that, on the one

* Исследование подготовлено в рамках программы Уральского федерального университета «Приоритет-2030».

** Citation: Avdashkin, A. (2023). The Kyrgyz Diaspora in the Regions of Russia: Transnationalism and Migrants' Problems. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1464–1476. DOI 10.15826/qr.2023.4.858.

Цитирование: Avdashkin A. The Kyrgyz Diaspora in the Regions of Russia: Transnationalism and Migrants' Problems // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1464–1476. DOI 10.15826/qr.2023.4.858 / Авдашкин А. Киргизская диаспора в регионах России: транснационализм и проблемы мигрантов // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1464–1476. DOI 10.15826/qr.2023.4.858.

hand, Kyrgyz migrants are disconnected and distrust the activities of diaspora organisations, and, on the other hand, they form dynamic transnational spaces linking the areas of origin and residence, in this case, the Urals and Siberian regional capitals (Chelyabinsk, Yekaterinburg and Krasnoyarsk).

Keywords: diaspora, transnationalism, migration, Kyrgyz migrants

Статья посвящена проблеме формирования киргизской диаспоры в России на современном этапе. В научной литературе продолжают попытки интерпретировать киргизские сообщества за пределами родины именно в качестве диаспор, что актуализирует дискуссии на эту тему. Методологию составляет транснациональный подход, позволяющий понять отношения и связи между местом проживания и локальной родиной, на примере выходцев из Киргизии сопоставить собственно диаспору и транснациональные сообщества, или, как выразился Т. Файст, «двух неловких партнеров в танце». Основу источниковой базы составили данные проекта картирования киргизских диаспор, выполненные под эгидой Международной организации миграции в 2021 г., а также материалы глубинных неструктурированных интервью, собранных в ходе полевых исследований автора в Челябинске (47 чел.), Екатеринбурге (19 чел.) и Красноярске (14 чел.). Средняя продолжительность интервью составляла полчаса, гендерное соотношение в группе информантов – 31 женщина и 49 мужчин. Рассмотрены следующие важные параметры диаспоральности: диаспора и транснационализм, участие в деятельности киргизских общественных организаций, расселение киргизских мигрантов, их ориентация на историческую родину и специфика идентичности. Проведенный обзор говорит скорее об отсутствии или незавершенности формирования киргизской диаспоры в России. Отмечено, что, с одной стороны, киргизские мигранты разобщены, испытывают недоверие к деятельности диаспоральных организаций, а, с другой – формируют динамичные транснациональные пространства, связывающие районы исхода и проживания, в данном случае уральские и сибирские региональные столицы (Челябинск, Екатеринбург и Красноярск).

Ключевые слова: диаспора, транснационализм, миграция, киргизские мигранты

В России проживает одно из крупнейших сообществ киргизских мигрантов, нередко маркируемое в медиа и научных трудах в качестве диаспоры. Исследования среднеазиатских диаспор, в особенности киргизских, немногочисленны [например, см.: Турдалиева, Марат] и требуют постановки новых исследовательских вопросов, расширения территориальных рамок и включения новых источников в научный оборот.

Киргизская Республика предпринимает энергичные усилия для создания и консолидации киргизских диаспор. Во многих российских

регионах действуют киргизские общественные объединения, активную деятельность ведет Ассоциация «Замандаш», с марта 2023 г. для поддержки выходцев из Киргизии и содействия в их возвращении на родину вводится «Мекен-карта»¹. Однако в ряде исследований, посвященных идентичности киргизских мигрантов, отмечались их разобщенность, критическое отношение к деятельности диаспоральных организаций, отсутствие интереса к событиям на родине [см.: Насритдинов, Рахимов; Ruget, Usmanalieva, 2019].

Рост численности мигрантов из Киргизской Республики в России, Казахстане, Турции и др. странах способствовал возникновению экономических и социальных сетей, механизмов взаимной поддержки и кооперации, то есть форм организации, которую часто именуют диаспорой. Степень сплоченности таких сообществ существенно различается, будучи зависима от выраженности региональных противоречий (как минимум между северянами и южанами), преобладающих видов занятости мигрантов, социальных статусов, исторической специфики города или места проживания в принимающей стране [Nasritdinov].

В Москве и Московской обл., где концентрируется до половины мигрантов, прибывших из Киргизии в Россию², сложилась развитая сеть неформальных горизонтальных связей. С целью организации повседневной жизни и досуга, удовлетворения различных потребностей мигрантами создавалась специфическая инфраструктура, включающая сеть образовательных и медицинских учреждений, действуют устойчивые социальные сети взаимоподдержки и мигрантские объединения [см. об этом: Пешкова; Kashnitsky, Demintseva; Demintseva]. Однако неясна степень организованности киргизских диаспоральных сообществ, нет понимания, насколько они способны влиять на ситуации среди мигрантов, решать их повседневные проблемы и оказывать им помощь. Для получения более полной картины киргизской миграции ощутимо недостает региональных кейсов.

Наше внимание сосредоточено на региональных центрах притяжения киргизской миграции (Челябинск, Екатеринбург и Красноярск), на материалах которых исследований практически не предпринималось. Продуктивной может стать постановка следующих проблем: каковы современные атрибуты диаспор, в какой степени случай киргизских мигрантов может соответствовать им, как сами мигранты из Киргизии воспринимают свою включенность в диаспору? Автора

¹ Данный документ могут получить лица, состоявшие ранее в гражданстве Киргизской Республики, их дети и внуки. «Мекен-карта» предоставляет обладателю особые права, касающиеся порядка пребывания в Киргизии, пересечения государственной границы, получения образования, лечения и трудоустройства.

² По данным государственной службы миграции при Правительстве Киргизии, в августе 2018 г. киргизские мигранты распределялись по территории России следующим образом: Центральный федеральный округ (47 % – в Москве и Московской обл.), Приволжский (Оренбургская и Саратовская обл.) и Уральский – по 14 %, Северо-Западный – 7 % (Санкт-Петербург), Сибирский – 12 % (Красноярск), в Дальневосточный – 3 %, Южный – менее 1 %.

интересовали не институциональный дизайн киргизских организаций, направления их деятельности или особенности коммуникаций между собой и органами власти. Исследование фокусировалось на диаспоральной идентичности информантов, их взгляде на киргизскую миграцию и транснациональные практики, ею сформированные, на отношении к исторической родине и образу жизни в отрыве от нее.

Применение транснационализма [Капустина, Борисова] и социального конструктивизма в качестве теоретической оптики [подробнее см.: Grossman] позволяет рассмотреть различные параметры киргизской диаспоры. Уезжая в Россию или Киргизию и (или) возвращаясь домой, граждане страны сохраняют тесные связи с двумя этими локальностями, создается эффект присутствия даже на расстоянии. Так порождается раздвоенное пребывание между «здесь» и «там», «своими» и «чужими», «традицией» и «модерном», «мегаполисом» и «селом». Приспосабливаясь к дальним расстояниям и средствам коммуникации, движению «туда» и «обратно», изменению ролей и статусов, практики и идентичности разных групп киргизских мигрантов приобретали транснациональный характер. За исходную дефиницию диаспоры взята предложенная Дж. Гроссманом: это транснациональное сообщество, члены которого (или их предки) эмигрировали или рассеялись с территории своей исконной родины, но сохраняют ориентацию на нее и групповую идентичность³ [Grossman].

Источниковую базу составили данные проекта картирования киргизских диаспор Международной организации миграции [Jeenbaeva et al.], в частности результаты социологического опроса⁴, которые сопоставлялись с материалами полевых исследований. В 2020–2023 гг. была проведена серия глубинных неструктурированных интервью с киргизскими мигрантами в Челябинске (47 чел.), Екатеринбурге (19 чел.) и Красноярске (14 чел.). Средняя их продолжительность составляла до 30 мин, гендерное соотношение – 31 женщина и 49 мужчин. Возрастные группы: 21–35 лет (49 чел.), 35–55 лет (27 чел.), 55–75 лет (4 чел.). Профессиональный состав: 29 предпринимателей и торговцев, 16 таксистов, 32 работника сферы услуг (парикмахеры, курьеры, мастера ногтевого сервиса, работники заведений общественного питания и др.), три врача.

Соотношение диаспоры и транснационализма

Соотношение диаспоры и транснационализма стало предметом оживленных дискуссий, итогом которых стали концептуальные разграничения данных понятий Т. Файстом. Диаспора представляет со-

³ Здесь и далее изложение и перевод цитат англоязычных исследований автора статьи.

⁴ Коллектив проекта собрал 1439 анкет в режиме онлайн в социальных сетях, с помощью рассылки электронной почтой и по ссылке на веб-страницу *Survey Monkey* с 28 января по 3 марта 2021 г. Более подробно о выборке и дизайне исследования см.: [Jeenbaeva et al.].

бой глобальную совокупность сообществ и служит для аналитической фокусировки на этноконфессиональной группе за пределами родины. В свою очередь, транснационализм иллюстрирует практики мигрантов и социальные поля, связующие два и более государства, в данном случае Россию и Киргизскую Республику [см.: Faist, p. 9].

Киргизские мигранты создают разветвленные сети отношений поверх государственных границ, проживая словно в двух мирах, «здесь» и «там», осуществляя множественное планирование своего будущего [Джанызакова; Liebert; Schröder]. Как показал опрос в рамках проекта картирования, свыше 66 % респондентов действительно строили такие планы [Jeenbaeva et al.]. Позиции, изложенные в интервью, подтвердили результаты проекта картирования, где именно сокращение коррупции постулировалось как фактор возвращения [также см.: Jeenbaeva et al., p. 34]. Один из информантов подчеркнул, что, «если бы не коррупция и борьба элит, ресурсы страны можно было бы лучше использовать для развития бедных регионов, откуда массово едут трудовые мигранты» (И12).

Коррупционированность киргизских чиновников, по мнению интервьюируемых, порождает недоверие мигрантов к большинству инициатив правительства и общественных организаций по работе с диаспорой. Практически все интервьюируемые воспринимают шаги официального Бишкека по организации киргизских диаспоральных сообществ как освоение бюджетных средств и грантов в интересах узкой группы управленцев или этноактивистов. Более того, попытки лидеров национально-культурных сообществ предложить инициативы для развития связей диаспоры и Киргизии обычно остаются без ответов государственных органов.

В рамках сложившихся транснациональных сетей мигрантами вырабатывается практика краткосрочных возвращений на родину для поддержания личных и семейных связей, а также демонстрации личного благополучия «здесь» и «там», подтверждения успешности миграционного сценария.

Киргизские диаспоральные сообщества

Несмотря на то, что 88 % респондентов, участвовавших в проекте картирования, обращались за помощью к киргизским общественным организациям в стране проживания, частота участия в ее мероприятиях оказалась существенно ниже. Более половины членов выборки (56 %) не участвовали в мероприятиях, связанных с Киргизской Республикой и организованных диаспорой, а 25 % не менее чем один-два раза в год участвуют в них, 18 % респондентов являются активными и постоянными участниками мероприятий, организованных киргизской диаспорой за рубежом [Jeenbaeva et al., p. 93].

Признавая некоторое сходство этнических групп, прибывших в Россию на работу, необходимо понимать, что мигранты в зависимости от государств исхода и многих других факторов формируют

собственный набор приоритетов и сетей поддержки. Различны реакции на изменения обстоятельств в странах исхода и приема, способы освоения заработанных средств. В сравнении с другими этническими группами, прибывшими на заработки из Средней Азии, в структуре занятости киргизских мигрантов заметно выше доля тех, кто работает в сфере услуг [Мукомель, с. 67]. Это служит дополнительным стимулом фрагментации среды киргизских мигрантов, приводя к появлению небольших, часто полиэтничных трудовых коллективов или к индивидуализации. Наличие возможности самостоятельно решать многие повседневные проблемы снижает актуальность таких форм солидарности, как диаспоральные общества и т. д.

Описывая разобщенность киргизских мигрантов, руководители общественных организаций рассказывали о конкуренции между лидерами за влияние в разных группах (студенты, сезонные рабочие, торговцы и др.). Сплочение происходит ситуативно, в рамках региональных или земляческих сетей. Мощным триггером для самоорганизации, более активного взаимодействия в среде мигрантов, и с этим согласились наши информанты, стала пандемия Covid-19 [см.: подробнее: Jeebbaeva et al., p. 43]. Общий вызов, предполагавший совместные сборы пожертвований, гуманитарной помощи и просто взаимовыручку, способствовал преодолению многих противоречий и границ в среде киргизских мигрантов. Как будет использован этот опыт для дальнейшего развития диаспоральных организаций, участники нашего исследования затруднились сказать.

Расселение киргизов

В России проживает одна из крупнейших киргизских общин, представленная в основном выходцами из Ошской, Баткенской и Джалал-Абадской областей [Jeebbaeva et al., p. 28]. Накопление мигрантами различных форм капитала в постсоветское время может объяснить концентрацию выходцев из Киргизии в определенных российских регионах. Этому способствовали опора на использование крепких семейных связей, светскость и гендерное равноправие в сравнении с другими группами среднеазиатских мигрантов, хорошее владение русским языком, а также готовность к работе в этнически смешанных коллективах. По мнению информантов, киргизы реже подвергаются ксенофобии со стороны принимающего общества, а вступление их страны в ЕАЭС позитивно сказалось на экономике страны и положении киргизов на российском рынке труда [Габдрахманова и др.; Gerber, Zavisca].

Показательно, что практически все участники нашего исследования до приезда в Россию проживали в Ошской области⁵. Иными словами, предположение о том, что на территории рассматриваемых регионов

⁵ Существенно реже встречались приезжие из Баткенской обл. и других регионов Киргизской Республики.

Урала и Сибири концентрируются в основном мигранты из южных районов Киргизии, в частности ошане, нашло определенное подтверждение. Создавая в ходе глубинных интервью карту расселения киргизских мигрантов, информанты продемонстрировали понимание, что в каждой стране проявляется своя специфика расселения: в России и Казахстане в основном представлены выходцы из Бишкека, Ошской, Баткенской и Джалал-Абадской областей, в Германии и Катаре – из Нарынской области. Некоторые тезисы действительно нашли отражение в результатах проекта картирования [Jeenbaeva et al., p. 89].

Распространение неформальной занятости осложняет подсчет точного числа граждан Киргизии, работающих за границей. Многие приняли российское гражданство и не фиксируются как иностранцы. По оценкам миграционного ведомства Киргизской Республики, к 2018 г. свыше 570 тыс. граждан страны стали гражданами России [Исследование]. Все это дает экспертам основание полагать, что так или иначе вовлечено в трудовую миграцию более 1 млн выходцев из Киргизии [Jeenbaeva et al., p. 79]. По разным оценкам, на территории Российской Федерации к началу пандемии Covid-19 находилось свыше 700–728 тыс. киргизов [Посол назвала число киргизских мигрантов в России]. Кроме того, некоторое количество киргизских мигрантов было зарегистрировано в Казахстане (30–35 тыс.), Турции (30 тыс.), Германии (5–8 тыс.), Корею (6 тыс.) и ОАЭ (5 тыс.) [Pandemic vs Migration].

Регионы, задействованные в исследовании, занимают, по мнению информантов, разные ниши в направлениях киргизской миграции. Наибольшее число «своих», представленных на Урале, информанты отнесли к Екатеринбург, где сформировался основной центр притяжения миграции в УрФО, действуют более широкие сети распространения китайских товаров и емкий рынок услуг. Как отметил информант Рустам, в Челябинске киргизов «почти нет, а те, что есть, редко общаются. К тому же многие приезжие из Киргизстана являются узбеками, а не киргизами» (И31). Челябинск воспринимают в большей степени как «таджикский» регион. В Красноярске приезжие из Киргизии более заметны и представляют разные волны миграции: от рыночных торговцев до жителей целых поселений, перебравшихся в Сибирь после того, как оползни и экологические катастрофы сделали невозможной жизнь на родине. Одним из районов, где концентрируются мигранты из Киргизии в Красноярске, является район Красноярской ТЭЦ.

Ориентация на историческую родину и идентичность

Киргизия проводит активную политику репатриации и устанавливает контакты с этническими киргизами, проживающими за рубежом. Однако распространение диаспоральной политики Киргизского государства на Китай, Узбекистан и Россию происходит крайне осторожно, поскольку может дестабилизировать непростую обстановку в ряде районов со смешанным этническим составом в Южной Киргизии. Переселение киргизских беженцев из Таджикистана в эти районы обо-

стрило конкуренцию за ресурсы, произошла стигматизация приезжих в качестве «чужих», «таджиков» [Феррандо, с. 85, 87]. Когда речь заходит о киргизах за пределами родины, полемика относительно того, «кто киргиз, а кто нет», становится более напряженной. Информанты, с которыми работал С. Парэм, отмечали высокомерное отношение к себе после переезда на родину, обвинения в том, что они «полукиргизы, засоряют киргизской язык, искажают традиции» и др. [см.: Parham].

Современная Киргизия переживает интенсивный прирост населения⁶, что обостряет внутривнутриполитическую борьбу за ограниченные ресурсы (землю, воду, рабочие места и т. д.). Однако высокая доля денежных переводов трудовых мигрантов в структуре ВВП (до 30 %) демонстрирует крайне высокую роль внешней трудовой миграции в поддержании уровня жизни большого количества домохозяйств. По данным проекта картирования, мигранты заинтересованы в том, чтобы участвовать в развитии Киргизии (до 80 % опрошенных [Jeebbaeva et al., p. 46]). Практически все участники полевых исследований подчеркнули готовность внести вклад в улучшение уровня жизни в родных селах и районах (поделиться опытом, участвовать в благотворительных проектах, осуществлять инвестиции и т. д.).

Однако правительство мало содействует укреплению киргизской диаспоры, не вовлекает ее ресурсы в развитие населенных пунктов и регионов отъезда мигрантов. Преодолеть разрозненность и перейти на новый качественный уровень, предполагающий ориентацию диаспоры на участие в развитии родины, пока у киргизов за пределами родины не получается. Во многом на это влияет и основной профиль деятельности большинства состоявшихся диаспоральных структур. Проведение преимущественно культурных мероприятий (прим. информанта – зачастую «для галочки») и консультативная деятельность не способствуют развитию механизмов поддержки и инвестирования в Киргизию. Как отмечал один из неформальных лидеров киргизских сообществ, нужна специально разработанная система для их сотрудничества между собой и потенциальными партнерами в Киргизии (государством, муниципалитетами, местными общинами, предпринимателями, молодежными, женскими объединениями и т. д. (И32)).

Э. Насритдинов и Р. Рахимов получили определенные данные об ориентации киргизских мигрантов на родину. В основном ее образы оказывались отрицательными (бесправие, коррупция, политическая и социальная нестабильность). К тому же транснациональная идентичность киргизских мигрантов в России противоречива. Будучи четко разделенными, прежде всего на региональные и земляческие группы, выходцы из Киргизии ощущают свою одновременную непринадлежность как к отправляющему, так и к принимающему сообществам [см.: Насритдинов, Рахимов].

⁶ В структуре населения страны жители от рождения до 14 лет составляют порядка 32 %.

Социальные практики мигрантов, в том числе приводящие к формированию диаспоральных организаций, воспроизводству и закреплению социальных границ между ними и принимающей стороной, нередко могут обуславливаться не мотивациями самих мигрантов, а реакцией принимающей стороны, взаимодействием с ней и ее институциональной средой (МВД, органами власти, рынком труда и услуг, наличием уже сложившихся диаспоральных объединений других групп, различными практиками повседневной дискриминации «других» и др.) [Варнавский, с. 491].

Региональная и родовая идентичность мигрантов, когда они находятся в Киргизии, а особенно за ее пределами, играет существенную роль в формировании и активизации миграционных сетей. Там, где у мигрантов есть родственники, земляки или *жердештер*⁷, возрастает концентрация мигрантов из конкретных районов Киргизии, предполагающая даже некоторое отчуждение других киргизов, не имеющих доступа к семейным или земляческим социальным сетям поддержки.

Нельзя забывать о напряженных дискуссиях в отправляющем обществе на тему этнокультурного самоопределения, важно помнить о заметной дифференциации между «настоящими киргизами» и «киргизами, забывшими свой язык и культуру». По-прежнему оживленную полемику в публичном пространстве вызывает вопрос о содержательном наполнении киргизской идентичности. Населению, чиновникам и интеллектуалам не вполне понятны ее очертания. Отсутствие определенности, зачастую болезненные реакции на приписывание тех или иных статусов – все это явно не способствует выработке согласованных представлений об идентичности киргизских мигрантов. Как подчеркнул один из информантов, «если неясно, кто такой киргиз, то еще более неясно, кто такой киргиз за границей, что такое наша диаспора, есть ли она и зачем она нужна» (И75).

Подавляющее большинство участников исследования ориентировано на локальные сообщества и связи, семью, свой район или поселение, но не на Киргизскую Республику в целом, поскольку родная страна ассоциируется у них с высоким уровнем коррупции, бедностью и неразвитостью социальной инфраструктуры. Несмотря на желание осуществлять посильный вклад в улучшение ситуации на родине, сдерживающими факторами в реализации этих замыслов выступают коррупция и недоверие государственным институтам, отсутствие наработанных связей с правительством. Степень остроты региональных и иных противоречий в среде киргизских мигрантов часто не позволяет им выработать механизмы самоорганизации. Среди положительных примеров названы только мероприятия по сбору

⁷ В переводе с киргизского языка слово означает «близкий соотечественник» и связанные с этим понятием характеристики.

гуманитарной помощи для киргизских студентов и трудовых мигрантов в период пандемии Covid-19.

До этого момента солидарность, а тем более готовность к политической активности в среде киргизских мигрантов оставались на крайне низком уровне [см.: Ruget, Usmanalieva, 2011], сводясь зачастую лишь к поиску посредников для передачи посылок на родину. Схожая картина получена в проекте картирования, где помощь от земляков или объединений мигрантов в стране постоянного проживания включала отправку и получение посылок (24,1 %), оформление документов (22,3 %) и трудоустройство (13,3 %). В то же время многие (22,3 %) вовсе не получали никакой помощи, опираясь на личные или семейные ресурсы [Jeeubaeva et al., p. 54]. Собранные в Челябинске, Екатеринбурге и Красноярске интервью подтвердили эти данные, поскольку все информанты обращались в киргизские организации или к землякам в основном для передачи посылок. Одна из информантов рассказала, что не очень хотела контактировать с земляками и самостоятельно решала многие проблемы, за исключением отправки подарков с сыном соседей (И7).

* * *

Рассмотренные случаи говорят об отсутствии или незавершенности становления киргизской диаспоры в рассмотренных регионах Урала и Сибири. С одной стороны, Киргизская Республика как отправляющее государство заинтересована в миграции для поддержания экономики и уровня потребления, снижения социальной напряженности, а, с другой, она не заинтересована в самоорганизации киргизских мигрантов. Диаспоральная политика, с точки зрения наших информантов, чрезвычайно зависима от нестабильной ситуации в стране, поэтому отсутствуют возможности для ее долгосрочного планирования. Сложившись как инструмент для репатриации этнических киргизов, она не получила дальнейшего развития ввиду нехватки ресурсов, отсутствия горизонтов планирования и многих других факторов. Трудовые мигранты и без того неплохо выполняют свои функции, переводя на родину заработанные деньги и существенно снижая социальную напряженность за счет оттока трудоспособного населения на заработки. Приложение дополнительных усилий не влечет для большинства заинтересованных акторов очевидных приобретений, а, напротив, может вылиться в непредсказуемые издержки, рост ожиданий от социальной политики государства, запросы на улучшение ситуации на местах и т. д. Не стоит забывать, что активизация Киргизией практики диаспоростроительства может повлечь аналогичные процессы среди нетитульного населения страны и заметно осложнить состояние межэтнических отношений в полиэтничных регионах.

Список информантов

- I7 – информант 7, жен., 23 года, продавец, Красноярск.
 I12 – информант 12, муж., 29 лет, таксист, Екатеринбург.
 I31 – информант 31, муж., 34 года, предприниматель, Челябинск.
 I32 – информант 32, жен., 49 лет, предприниматель, Челябинск.
 I75 – информант 75, муж., 30 лет, предприниматель, Екатеринбург.

Библиографические ссылки

Варнавский П. К. Кто этнизирует мигрантов: принимающее общество или они сами? Институционализация мигрантского сообщества на примере выходцев из Киргизстана в Улан-Удэ // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск : Оттиск, 2013. С. 466–491.

Габдрахманова Г. Ф., Сагдиева Э. А., Фрайер П. Опыт изучения киргизской миграции в постсоветской России: стратегии, практики, формы капитала // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 54–70. DOI 10.31857/S086954150010048–2.

Джанызакова С. Д. «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Киргизстана в России (случай Томска) // Сиб. ист. исслед. 2019. № 3. С. 72–86. DOI 10.17223/2312461X/25/4.

Исследование : Каждый десятый житель Киргизии имеет гражданство РФ // Рос. газ. : [сайт]. 2018. 7 мая. URL: <https://rg.ru/2018/05/07/issledovanie-kazhdyj-desiatyj-zhitel-kirgizii-imeet-grazhdanstvo-rf.html> (дата обращения: 23.06.2023).

Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / под ред. С. Н. Абашина, О. Е. Бредниковой. М. : Новое лит. обозрение, 2021. С. 14–29.

Мукомель В. И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда до пандемии // Социол. исслед. 2022. № 1. С. 63–75. DOI 10.31857/S013216250017014–8.

Насритдинов Э., Рахимов Р. Транснациональная идентичность киргизских трудовых мигрантов в России // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / под ред. С. Н. Абашина, О. Е. Бредниковой. М. : Новое лит. обозрение, 2021. С. 202–232.

Пешикова В. М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 2 (24). С. 129–151.

Посол назвала число киргизских мигрантов в России // Рос. газ. : [сайт]. 2021. 7 июня. URL: <https://ria.ru/20210607/migranty-1735950028.html> (дата обращения: 23.06.2023).

Турдалиева Ч. Д., Марат А. М. Диаспора памирских киргизов в Турции // Этнографическое обозрение. 2015. № 3. С. 131–146.

Феррандо О. Страны Центральной Азии и их «родственные меньшинства» в регионе: от диаспоральной политики к программам репатриации // Диаспоры. 2012. № 1. С. 66–94.

Demintseva E. Educational Infrastructure Created in Conditions of Social Exclusion: 'Kyrgyz clubs' for Migrant Children in Moscow // Central Asian Survey. 2020. Vol. 39, № 2. P. 220–235. DOI 10.1080/02634937.2019.1697643.

Faist T. Diaspora and Transnationalism: What Kind of Dance Partners? // Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods / ed. by R. Bauböck, T. Faist. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2010. P. 9–34.

Gerber T. P., Zavisca J. Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian Labor Migrants: Ethnic Hierarchies, Geopolitical Remittances, and the Relevance of Migration Theory // Post-Soviet Affairs. 2019. Vol. 36, № 1. P. 61–82. DOI 10.1080/1060586X.2019.1680040.

Grossman J. Toward a Definition of Diaspora // Ethnic and Racial Studies. 2019. Vol. 42, № 8. P. 1263–1282. DOI 10.1080/01419870.2018.1550261.

Jeenbaeva J. I., Shaketayev M. et al. Report Mapping of the Kyrgyz Diaspora, Compatriots and Migrants Abroad. Bishkek : Intern. Organization for Migration (IOM), 2021. 127 p.

Kashnitsky D., Demintseva E. Kyrgyz Clinics in Moscow: Medical Centers for Central Asian Migrants // *Medical Anthropology: Cross-Cultural Studies in Health and Illness*. 2018. Vol. 37, № 5. P. 401–411. DOI 10.1080/01459740.2017.1417280.

Liebert S. Deconstructing Immigrant Integration: The Case of Kyrgyz Labor Migrants in the United States // *Intern. J. of Public Administration*. 2020. Vol. 43. № 2. P. 151–165. DOI 10.1080/01900692.2019.1672191.

Nasritdinov E. “Only by learning how to live together differently can we live together at all”: Readability and Legibility of Central Asian Migrants’ Presence in Urban Russia // *Central Asian Survey*. 2016. Vol. 35. № 2. P. 257–275. DOI 10.1080/02634937.2016.1153837.

Pandemic vs Migration: No More Work Abroad for Kyrgyzstanis? // *Cabar-Asia* : [website]. 2021. 12 Febr. URL: <https://cabar.asia/en/pandemic-vs-migration-no-more-work-abroad-for-kyrgyzstanis> (accessed: 23.06.2023).

Parham S. “Rightful” versus “Real” Homelands: Changing Concepts of Kyrgyz Boundaries and Belonging on the China-Kyrgyzstan Frontier // *Asian Ethnicity*. 2014. Vol. 15, № 3. P. 265–285. DOI 10.1080/14631369.2013.832995.

Ruget V., Usmanalieva B. Social and Political Transnationalism among Central Asian Migrants and Return Migrants: A Case Study of Kyrgyzstan // *Problems of Post-Communism*. 2011. Vol. 58, № 6. P. 48–60. DOI 10.2753/PPC1075–8216580604.

Ruget V., Usmanalieva B. Can Smartphones Empower Labour Migrants? The Case of Kyrgyzstani Migrants in Russia // *Central Asian Survey*. 2019. Vol. 38, № 2. P. 165–180. DOI 10.1080/02634937.2019.1594170.

Schröder P. Business 2.0: Kyrgyz Middlemen in Guangzhou // *Central Asian Survey*. 2020. Vol. 39, № 1. P. 116–134. DOI 10.1080/02634937.2019.1711023.

References

Demintseva, E. (2020). Educational Infrastructure Created in Conditions of Social Exclusion: ‘Kyrgyz Clubs’ for Migrant Children in Moscow. In *Central Asian Survey*. Vol. 39. No. 2, pp. 220–235. DOI 10.1080/02634937.2019.1697643.

Dzhanyzakova, S. D. (2019). “Zdes’ i tam” v migrantских istoriyakh vykhodtsev iz Kyrgyzstana v Rossii (sluchai Tomsk) [“Here and There” in the Migrant Stories of People from Kyrgyzstan in Russia (the Case of Tomsk)]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 3, pp. 72–86. DOI 10.17223/2312461X/25/4.

Faist, T. (2010). Diaspora and Transnationalism: What Kind of Dance Partners? In Bauböck, R., Faist, T. (Eds.). *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*. Amsterdam, Amsterdam Univ. Press, pp. 9–34.

Ferrando, O. (2012). Strany Tsentral’noi Azii i ikh “rodstvennye men’shinstva” v regione: ot diasporal’noi politiki k programmam repatriatsii [Central Asian Countries and Their “Related Minorities” in the Region: From Diaspora Policy to Repatriation Programs]. In *Diaspory*. No. 1, pp. 66–94.

Gabdrakhmanova, G. F., Sagdieva, E. A., Fraier, P. (2020). Opyt izucheniya kyrgyzskoi migratsii v postsovetsoi Rossii: strategii, praktiki, formy kapitala [The Experience of Studying Kyrgyz Migration in Post-Soviet Russia: Strategies, Practices, Forms of Capital]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 3, pp. 54–70. DOI 10.31857/S086954150010048–2.

Gerber, T. P., Zavisca, J. (2019). Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian Labor Migrants: Ethnic Hierarchies, Geopolitical Remittances, and the Relevance of Migration Theory. In *Post-Soviet Affairs*. Vol. 36. No. 1, pp. 61–82. DOI 10.1080/1060586X.2019.1680040.

Grossman, J. (2019). Toward a Definition of Diaspora. In *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 42. No. 8, pp. 1263–1282. DOI 10.1080/01419870.2018.1550261.

Issledovanie. Kazhdyi desyatyi zhitel’ Kirgizii imeet grazhdanstvo RF [Research: Every Tenth Resident of Kyrgyzstan Has a Citizenship of the Russian Federation]. (2018). In *Rossiiskaya gazeta* [website]. May 7. URL: <https://rg.ru/2018/05/07/issledovanie-kazhdyj-desiatyj-zhitel-kirgizii-imeet-grazhdanstvo-rf.html> (accessed: 23.06.2023).

- Jeenbaeva, J. I., Shaketaev, M., et al. (2021). *Report Mapping of the Kyrgyz Diaspora, Compatriots and Migrants Abroad*. Bishkek, Intern. Organization for Migration (IOM). 127 p.
- Kapustina, E., Borisova, E. (2021). Obzor teoreticheskoi diskussii o kontseptsii transnatsionalizma [A Review of the Theoretical Discussion about the Concept of Transnationalism]. In Abashin, S. N., Brednikova, O. E. (Eds.). *Zhit' v dvukh mirakh: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost'*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 14–29.
- Kashnitsky, D., Demintseva, E. (2018). Kyrgyz Clinics in Moscow: Medical Centres for Central Asian Migrants. In *Medical Anthropology: Cross-Cultural Studies in Health and Illness*. Vol. 37. No. 5, pp. 401–411. DOI 10.1080/01459740.2017.1417280.
- Liebert, S. (2020). Deconstructing Immigrant Integration: The Case of Kyrgyz Labor Migrants in the United States. In *Intern. J. of Public Administration*. Vol. 43. No. 2, pp. 151–165. DOI 10.1080/01900692.2019.1672191.
- Mukomel', V. I. (2022). Sredneaziatskie migranty na rossiiskom rynke truda do pandemii [Central Asian Migrants in the Russian Labour Market before the Pandemic]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 63–75. DOI 10.31857/S013216250017014-8.
- Nasritdinov, E. (2016). “Only by learning how to live together differently can we live together at all”: Readability and Legibility of Central Asian Migrants' Presence in Urban Russia. In *Central Asian Survey*. Vol. 35. No. 2, pp. 257–275. DOI 10.1080/02634937.2016.1153837.
- Nasritdinov, E., Rakhimov, R. (2021). Transnatsional'naya identichnost' kirgizskikh trudovykh migrantov v Rossii [Transnational Identity of Kyrgyz Labor Migrants in Russia]. In Abashin, S. N., Brednikova, O. E. (Eds.). *Zhit' v dvukh mirakh: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost'*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 202–232.
- Pandemic vs. Migration: No More Work Abroad for Kyrgyzstanis? (2021). In *Cabar-Asia* [website]. 12 Febr. URL: <https://cabar.asia/en/pandemic-vs-migration-no-more-work-abroad-for-kyrgyzstanis> (accessed: 23.06.2023).
- Parham, S. (2014). ‘Rightful’ versus ‘Real’ Homelands: Changing Concepts of Kyrgyz Boundaries and Belonging on the China-Kyrgyzstan Frontier. In *Asian Ethnicity*. Vol. 15. No. 3, pp. 265–285. DOI 10.1080/14631369.2013.832995.
- Peshkova, V. M. (2015). Infrastruktura trudovykh migrantov v gorodakh sovremennoi Rossii (na primere migrantov iz Uzbekistana i Kirgizii v Moskve) [Infrastructure of Labour Migrants in the Cities of Modern Russia (with Reference to Migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow)]. In *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. No. 2 (24), pp. 129–151.
- Posol nazvala chislo kirgizskikh migrantov v Rossii [The Ambassador Named the Number of Kyrgyz Migrants in Russia]. (2021). In *Rossiiskaya gazeta* [website]. 7 June. URL: <https://ria.ru/20210607/migranty-1735950028.html> (accessed: 23.06.2023).
- Ruget, V., Usmanalieva, B. (2011). Social and Political Transnationalism among Central Asian Migrants and Return Migrants: A Case Study of Kyrgyzstan. In *Problems of Post-Communism*. Vol. 58. No. 6, pp. 48–60. DOI 10.2753/PPC1075-8216580604.
- Ruget, V., Usmanalieva, B. (2019). Can Smartphones Empower Labour Migrants? The Case of Kyrgyzstan Migrants in Russia. In *Central Asian Survey*. Vol. 38. No. 2, pp. 165–180. DOI 10.1080/02634937.2019.1594170.
- Schröder, P. (2020). Business 2.0: Kyrgyz Middlemen in Guangzhou. In *Central Asian Survey*. Vol. 39. No. 1, pp. 116–134. DOI 10.1080/02634937.2019.1711023.
- Turdaliev, Ch. D., Marat, A. M. (2015). Diaspora pamirskikh kirgizov v Turtsii [Diaspora of the Pamir Kyrgyz in Turkey]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 3, pp. 131–146.
- Varnavskii, P. K. (2013). Kto etniziruet migrantov: prinyimayushchee obshchestvo ili oni sami? Institutsionalizatsiya migrantskogo soobshchestva na primere vykhodtsev iz Kyrgyzstana v Ulan-Ude [Who Ethnicises Migrants: The Host Society or Themselves? Institutionalisation of the Migrant Community with Reference to Immigrants from Kyrgyzstan in Ulan-Ude]. In Dyatlov, V. I., Grigoriev, K. V. (Eds.). *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva*. Irkutsk, Ottisk, pp. 466–491.

The article was submitted on 24.04.2023